

Выслушав слова Сантья Сюэсинь, Годзё Сатору на мгновение замер. Похоже, он никак не ожидал, что эта девушка знает о проклятом предмете особого уровня Юэсямянью, да еще и осведомлена об их количестве.

Невольно он спросил:

— А что еще тебе известно?

— Не так уж много, просто знаю, что вы все ищете проклятый предмет особого уровня Юэсямянью. Они порождены проклятиями, возникшими из извращенной человеческой любви, их история уходит в прошлое гораздо дальше, чем пальцы Сукуны, и избавиться от них куда труднее. При жизни Сукуна был Королем Проклятий, а после смерти его пальцы стали проклятыми предметами особого уровня, несущими гибель всему живому в человеческом обществе. Юэсямянью ничуть не лучше: у них нет ни постоянной формы, ни фиксированного носителя, лишь колоссальная проклятая энергия, способная причинить огромный вред людям, поэтому их необходимо как можно скорее изъять.

Сантья Сюэсинь ничего не стала скрывать и напрямую пересказала ему сведения, полученные от Коносукэ:

— На данный момент не обнаружено ни единого проклятого предмета особого уровня Юэсямянью, и маги сбились с ног, пытаюсь это исправить. Годзё-сан, я знаю, что вы сильнейший маг, и ваше появление в Риккай явно не ограничивается простым преподаванием — вы наверняка прибыли с заданием. Так вышло, что я тоже разыскиваю проклятые предметы особого уровня Юэсямянью, может, объединим усилия?

— Тебя ведь зовут Сантья Сюэсинь, верно? С чего вдруг в тебе проснулось такое сознательное рвение?

Судя по полученным результатам расследования, хотя она и была Альфой высокого уровня, это вовсе не значило, что у нее имелись высокие идеалы служения всему человечеству.

Напротив, эта мелкая Альфа целыми днями занималась бездельем: ее будни состояли из драк и создания проблем, главным призванием было заигрывание и соблазнение, а инстинктом — бросать тех, с кем потешилась. Количество Омег, которых она оставила, исчислялось бесчисленными цифрами. И вот теперь она заявляет, что заинтересовалась проклятым предметом особого уровня Юэсямянью и хочет работать с ним в паре?

Он невольно окинул ее крайне пытливым взглядом из-под темно-зеленых очков, пытаюсь разглядеть что-то за ее миловидным и невинным личиком.

Сантья Сюэсинь же выдержала этот взгляд с полнейшей невозмутимостью, даже не думая отводить глаза. В конце концов, нынешняя она уже совсем не та, что прежде — изменилась кардинально. Приняв тело прежней хозяйки, она полностью смыла накопившуюся внутри грязь! Больше она не та грубая Альфа, что мыслит исключительно нижней частью туловища — теперь она превратилась в совершенно новую, улучшенную версию себя.

— Ну как, Годзё-сан, вы согласны? — Сантья Сюэсинь посмотрела на него с искренним выражением, разве что не хлопая изо всех сил своими огромными выразительными глазами.

Годзё Сатору дернул уголком рта, едва не усмехнувшись, но пытливый взгляд не изменил:

— Если бы ты не сказала, я бы решил, что ты делаешь мне предложение руки и сердца.

— Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе! — услышав такое, Сантья Сюэсинь едва не закашлялась до слез.

— Не стоит так волноваться, смотри не подавись собственной слюной. — Годзё Сатору позабавил ее угрюмый и беспомощный вид, и он сам протянул ей стакан молока. — Сделай сперва глоток, а потом говори.

— Без яда? — Сантья Сюэсинь, с трудом переведя дыхание, из принципа решила поспорить.

Однако рука ее сработала вполне честно — она тут же приняла теплое молоко.

Судя по досье, Годзё Сатору безумно любил сладкое, так что на его столе она заметила несколько стаканов подогретого молока, от которого исходил слабый молочный аромат.

— Годзё-сан, ваши вкусы совсем не вяжутся с вашей личностью. Феромоны у вас — морозный запах кедра, а любите молоко, и правда необычно.

— Студентка Сантья, а ты знаешь, что вслух обсуждать запах феромонов Омеги для Альфы — крайне невоспитанный поступок? Я подозреваю, что ты меня дискриминируешь.

— Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе-кхе — не выдумывай на ходу! — на этот раз Сантья Сюэсинь подавилась молоком так сильно, что ее лицо покраснело, а вокруг губ остался белый молочный след. Выглядела она слегка растерянной, но в то же время довольно забавно. Годзё Сатору невольно протянул руку и подушечкой пальца стер следы молока с её губ. Он уловил исходивший от неё слабый запах феромонов — его любимый аромат пьяной вишни, напоминающий о пробуждении весны и первой любви.

Подумать только, у столь скверного человека мог быть столь манящий, вызывающий невольное влечение запах. Просто поразительно.

Годзё Сатору чуть усмехнулся про себя, после чего машинально слизал молоко с пальца. От этого неосознанного жеста Сантья Сюэсинь остолбенела, чувствуя, как у неё от страха замирает сердце.

Хотя очки надежного сотрудника компании смотрелись на его лице не слишком чужеродно и даже придавали ему особую, недоступную самому сотруднику дерзкую развязность, это... вовсе не значило, что ему позволено слизывать молоко с её губ!

Ах, нет-нет-нет, так тоже звучит двусмысленно! В любом случае, он не имел права стирать молоко с её губ, а тем более слизывать его! Вдруг она уже пригубила эту чашку, и тогда на его палец попала её слюна? Ведь так и до течки недалеко! Неужели этот человек вообще понимает, что он — омега с невероятно притягательными феромонами?

Спасите!

— Годзё-сан, хоть вы и без ума от... моих феромонов и обожаете сладкое, нельзя же быть настолько неразборчивым и пить молоко, к которому я могла прикасаться! Вы же понимаете, что от этого у вас может начаться течка?

Сантья Сюэсинь была готова расплатиться слезами.

Годзё Сатору и впрямь замер, уставившись на палец, всё ещё испачканный молоком, и словно превратился в каменное изваяние.

Сантья Сюэсинь тяжело вздохнула:

— Может... сделаете ещё один укол ингибитора?

Однако ингибиторы нельзя колоть без разбору: от их переизбытка функции организма могут дать сбой, а будущие периоды течки станут только тяжелее.

— Нет-нет-нет, просто считайте, что я только что сболтла глупость!

Сантья Сюэсинь вовсе не улыбалась перспектива загреметь за решётку. В глазах полиции её недавнее поведение выглядело бы как умышленное соблазнение омеги и доведение его до течки. Захоти Годзё Сатору испортить ей жизнь — и тюремный срок ей был бы обеспечен мгновенно. Она потёрла лоб и с заметной головной болью приблизилась к нему, чтобы понаблюдать за переменами, одновременно подсознательно приносясь к воздуху в поисках запаха его феромонов.

— Годзё-сан, вы не чувствуете себя как-то нехорошо?

Чувствительность к феромонам у каждого человека разная. Если степень их взаимной совместимости по феромонам высока, то даже то небольшое количество молока, что она выпила, могло заставить его войти в период течки, и тогда ей непременно пришлось бы поставить ему Метку.

— А я ведь говорил, что моё тело как будто слегка разгорячилось? — произнес он и при этом ослабил галстук. На его выступающих, но бледных ключицах проступили капельки пота, а если принахотаться повнимательнее, казалось, от него пахнет кедром.

Сантья Сюэсинь:.....

Она не удержалась и протянула руку, чтобы коснуться его лба — температура была самой обычной, затем провела ладонью по его руке — та оказалась чуть горячее, но всё же в пределах нормы, и по таким признакам было совершенно невозможно определить, начался ли у него период течки. Под конец ей даже захотелось протянуть свои греховные руки к железе на его затылке, но она вдруг вспомнила, что сейчас лето — погода, когда даже в одной тонкой футболке жарко, а этот господин Годзё перед ней щеголяет в строгом костюме-тройке. Пожалуй, не вспотеть в таком было просто невозможно.

— Послушайте, господин Годзё, на самом деле вам вовсе необязательно притворяться таким серьезным трудоголиком. Даже в костюме вы не сможете скрыть свою темную душонку. К тому же в такую жару так и до теплового удара недалеко.

Сантья Сюэсинь отступила на пару шагов и посмотрела на него с предельной искренностью,

однако Годзё Сатору все равно отчетливо прочел в ее честных каре-бурых глазах слово «идиот».

Годзё Сатору: «.....» Его репутация была безнадежно испорчена.

<http://bllate.org/book/21291/2158865>